

Джон Уорд

**Союзная интервенция в
Сибири 1918-1919 год**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д42

Д42 **Джон Уорд**
Союзная интервенция в Сибири 1918-1919 год / Джон Уорд – М.: Книга
по Требованию, 2015. – 171 с.

ISBN 978-5-458-69526-8

Записки начальника английского экспедиционного отряда полковника
Джона Уорда.

ISBN 978-5-458-69526-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Всякая крупная переломная эпоха обыкновенно создает обширную мемуарную литературу. Это вполне понятно, и это очень хорошо. Записки, впечатления, воспоминания очевидцев и участников больших событий имеют громадную историческую ценность. Они, конечно, не история, а материал для истории. Но, как материал, они незаменимы, ибо дают ученому исследователю те живые краски в изображении исторических процессов, без которых его работа потеряла бы половину своего значения и своей яркости.

Однако далеко не все произведения мемуарной литературы одинаково ценны для историков. Многие, слишком многие тут зависят от личности автора. Умный и тонкий наблюдатель, обладающий литературным талантом, даже не играя особенно крупной роли в описываемых им событиях, может дать для понимания последних гораздо больше, чем ограниченный и литературно-бездарный деятель, хотя бы он и занимал видное место в общественно-политической борьбе.

Автор предлагаемых вниманию читателей записок, полковник Уорд, несомненно принадлежит ко второму типу мемуаристов. По своему прошлому он—средний английский рабочий,

прошедший долгую школу тред-юнионистского воспитания. Школа эта не первоклассная и не слишком способна расширить умственный кругозор типичного английского обывателя. Уорд не социалист, а самый типичный либерал, для которого максимум возможных для пролетариата достижений сводится к широкому развитию профессиональных организаций и к изданию парламентом кое-каких законов по охране труда. Социализм он считает блажью, несбыточной утопией, а социалистов, особенно на русской почве, приравнивает к каким-то полуанархистам— полубандитам. Во время мировой войны Уорд, следуя «патриотической» проповеди Ллойд-Джорджа и К-о, пошел в армию. Вскоре он стал офицером. Новое звание не только не углубило его понимания движущих сил современных исторических процессов, но наоборот—к ограниченности его тред-юнионистского мышления прибавило еще целую кучу специфических, чисто военных предрассудков. В таком духовном состоянии Уорд осенью 1918 г. попал сначала на русский Дальний Восток, а затем в Сибирь. С таким интеллектуальным багажом за плечами он воспринимал разыгрывавшиеся в то время политические события. И не только воспринимал, а принимал в них весьма активное и до известной степени даже руководящее участие. Одновременно он вел свои записки, предназначенные первоначально, как он сам об этом сообщает, для пользования его оставшегося в Англии сына. Вполне понятно, что произведение Уорда оказалось очень несовершенным. Оно несовершенно литературно, ибо автор его не отличается талантом писателя. Оно,— что еще важнее,—несовершенно и как исторический документ. Ибо Уорд ничего не понял в русской революции и очень плохо представлял себе действительное значение тех событий, которые разыгрывались на его глазах.

Политическая ситуация в России в тот момент, когда автор настоящих записок появился в Сибири, в основных чертах сводилась к следующему.

В Москве Советское правительство напрягало все свои силы для организации красной армии и создания своего государственного аппарата. Территория, которой оно располагало, была весьма изменчива в своих границах, но в основном исчерпывалась сравнительно небольшим кулаком центральных губерний плюс Петроград. Контр-революция везде по окраинам открыто подымала голову и со всех сторон протягивала свои жадные руки к Москве. Фронты были почти на всех границах Советской республики—на севере (Архангельский фронт), на востоке (Самарско-Сибирский фронт), на юго-востоке (Деникинский фронт). На юге и западе не было открытых фронтов, но зато было постоянное давление сначала со стороны Германии, а позднее—со стороны различных белогвардейских государств и отрядов, возникших на развалинах германского империализма. Советская Россия была в кольце и с героическим напряжением отстаивала Октябрьскую революцию.

В контр-революционном лагере к концу 1918 г. уже наметились первые признаки разложения. Ярче всего это сказалось на востоке—в Поволжье и Сибири.

Первоначально здесь объединенным фронтом против большевизма шли все анти-советские силы от меньшевиков и эс-эров с одной стороны, до черносотенных царских генералов—с другой. Однако постепенно началось расслоение. «Демократическая» контр-революция имела свой центр в Самаре в лице так называемого «Комитета членов Учредительного Собрания», состоявшего почти исключительно из эс-эров с небольшой примесью меньшевиков. «Генеральская» контр-революция укрепилась

в Омске под фирмой так называемого «Сибирского правительства». Летом 1918 г. между Самарой и Омском возгорелась открытая борьба. Очень скоро выяснилось, что в этой борьбе все шансы на победу остаются за Омском. Ибо в эпохи революций общественные силы всегда группируются около двух крайних полюсов, делая невозможным существование какой-либо «третьей силы». Так было и сейчас. Все революционные элементы народа стягивались к Москве под Советское знамя, все реакционные — в Омск, под знамя монархической реставрации. Желто-розовое Самарское знамя не в состоянии было увлечь за собой никого, кроме ничтожных кучек «прекраснодушных» интеллигентов. И так как омские генералы были людьми дела, а самарские «демократические политики» представляли собой чистейший тип позеров и болтунов, то этот естественный процесс шел еще более ускоренным темпом.

Прежде, однако, чем он достиг своего логического конца, была сделана попытка достигнуть известного компромисса между правым и левым крылом контр-революционного лагеря. В сентябре 1918 г. в Уфе состоялось государственное совещание, на котором было создано «Всероссийское Временное Правительство», получившее в просторечии наименование Директории. В состав Директории вошло 5 человек: Авксентьев, Зензинов, Вологодский, Виноградов и ген. Болдырев. Двое первых были представителями правого крыла эс-эров, Вологодский довольно хорошо отражал в себе настроение черносотенного сибирского офицерства, Виноградов был кадет, а ген. Болдырев являлся членом пресловутого «Союза Возрождения России», политические идеалы которого не шли дальше куцой монархической конституции. Директория воплощала таким образом компромисс между левыми и правыми, причем перевес в этом компромиссе явственно склонялся на сторону правых.

«Генеральская» контр-революция однако не успокоилась на достигнутом. Для нее Уфимское соглашение было лишь одним из этапов в борьбе за собственную власть. Поэтому, едва образовалась Директория, как из Омска начался против нее решительный поход. Так как в начале октября 1918 г. красные войска заняли Самару, то Директории пришлось переехать в Омск и здесь устраивать свою столицу. Остатки «Комитета членов Учредительного Собрания», переименовавшегося в «Съезд членов Учредительного Собрания», избрали своей резиденцией Екатеринбург ¹⁾. В Омске между Директорией, теоретически представлявшей всероссийскую власть, и Сибирским правительством, воплощавшим собой областную власть Сибири, разыгралось крупное столкновение на вопросе о создании так называемого делового министерства. (По конструкции, принятой на Уфимском совещании, пятичленная Директория должна была являться чем-то в роде коллективного монарха, который осуществлял свою власть через ответственный перед ним кабинет министров.) Директория хотела составить министерство как из «сибиряков», так и из «самарцев». Наоборот, Сибирское правительство категорически требовало, чтобы министерство состояло исключительно из «сибиряков», предлагая Директории признать в качестве своего «всероссийского» кабинета наличный состав Сибирского правительства. В этой борьбе полная победа осталась за сибиряками, причем в навязанный Директории кабинет в качестве военного и морского министра вошел адмирал Колчак.

Дальнейший ход событий носил катастрофически-стремительный характер. В первых числах ноября 1918 г. Директория

¹⁾ Подробности см. в книжке Н. Святицкого: «К истории Всероссийского Учредительного Собрания», 1921, Москва.

распубликовала имена своих министров, а в ночь с 17 на 18 ноября был совершен уже государственный переворот. Эс-эровские члены Директории были арестованы офицерской организацией и благодаря вмешательству иностранцев, в частности полковника Уорда, отправлены не на тот свет, а за границу. Оставшийся кабинет министров передал власть адмиралу Колчаку, объявив его верховным правителем всей России. «Демократическая контр-революция» была таким образом окончательно бита и против диктатуры пролетариата, утвердившейся в Москве, открыто стала диктатура генералов, укрепившаяся в Омске. Правда, Колчак на первых порах что-то лепетал о «национальном собрании», которое после победы над большевиками должно окончательно решить судьбы России. Но никто, конечно, этих заявлений всерьез не принимал. Не принимали их в серьез и окружавшие Колчака офицеры и генералы. Все они мечтали о восстановлении монархии, и несомненно, что улыбнись Колчаку победа, в Москве сейчас сидел бы белый царь, независимо от того, какие политические идеалы гнездились в голове сибирского диктатора. История судила иначе. После почти годовой борьбы с Советской Россией Колчак пал под ударами красной армии и сибирских восстаний, очистив путь Москве к Тихому океану ¹⁾.

Такова была политическая обстановка, в которой пришлось действовать полковнику Уорду. Посмотрим же, в какой степени он ее понимал и как на нее реагировал.

«Русский народ остался верен своим друзьям (союзникам), — пишет Уорд, — деморализация и разложение началось с верхов,

¹⁾ См. также И. М а й с к и й: «Демократическая контр-революция», Госиздат, 1923.

просочившись постепенно до самых низов общества... Германская измена подточила самые верхушки и таким образом разложила великую нацию, которую она никогда не могла бы завоевать. Расстроив русскую военную машину, Германия послала своих агентов продолжать беспорядок и предупредить восстановление порядка».

Таково объяснение причин русской революции, даваемое автором записок. Все дело, стало быть, в немецкой интриге. Не будь ее, в России ничего не случилось бы. Глубина мышления поистине замечательная!

Не меньшую глубину полковник Уорд обнаруживает, когда пытается охарактеризовать различные явления русской жизни. Внимание Уорда не могло не привлечь огромное партизанское движение, разыгравшееся в эпоху Колчака на всей территории Сибири. Как же он его объясняет?

По словам Уорда, партизанское движение состоит из двух элементов: из беглых каторжников, выпущенных большевиками из тюрем, и богатых крестьян, «жадность и ловкость которых составляют предмет зависти армян, открыто признающих, что в торговых сделках русский крестьянин превзойдет еврея в обмане». Не правда ли, очень убедительно?

Говоря о «большевиках», действовавших в 1918—19 гг. в Сибири, Уорд дает такую их характеристику:

«Они представляли кружок революционеров, связанных общей целью—грабежом и убийством каждого порядочного человека, будь то рабочий или буржуа, если только он отказывается поддержать политику анархии. Эти 5 или 6 определенных злодеев образовали что-то вроде кровавого братства, и, прикрываясь анонимностью, издавали приказы от имени русских рабо-

чих, которым последние не могли сопротивляться, боясь применения грабительского террора».

Какой удачный портрет большевиков!

В другом месте, говоря о бедных русских рабочих, среди которых «нет ни одного достаточно интеллигентного человека, чтобы организовать их и управлять ими», Уорд внушительно заявляет: «профессиональный русский лидер рабочих—анархист и ничего больше».

При столь сугубой строгости по отношению к «революционерам», полковник Уорд оказывается, однако, трогательно нежным по отношению к такому совершенно исключительному бандиту, как забайкальский атаман Семенов. Он изображает его в следующих выражениях:

«Его огромная физическая сила была причиной того, что японцы называли его «самураем», или «бравым рыцарем полей», и мне кажется, что это хорошо определяет его характер—неутомимый, храбрый и вместе с тем доброжелательный. Монгольские князья просили его стать их императором, и, если он выберет эту тропинку, то вихрь промчится по соседним землям. Быть может, подо всем этим он прежде всего—добрый русский человек».

Какая тонкость чувств и какое доброжелательство по отношению к человеку, от злодеяний которого воистине даже камни вопияли!

Но полковник Уорд приехал в Сибирь не для того, чтобы описывать русских революционеров и генералов, а для того, чтобы делать политику. В политике же необходима какая-нибудь точка зрения, какой-нибудь взгляд на существующее положение вещей. Есть такой взгляд и у автора записок. Вот он.

Большевики—это немецкие агенты. Во славу германского империализма они творят анархию. Все, кто борется с большевиками,—сторонники порядка и друзья Антанты, а потому заслуживают самой энергичной поддержки. Русские «демократы» в роде Авксентьева и Зензинова—болтуны и фразеры. Они не надежны, их лучше убрать с дороги и, когда это совершается, полковник Уорд приветствует перемену декораций. Однако и черносотенные генералы Уорда тоже мало утешают. Он не раз то с горечью, то с гневом повествует о совершаемых ими безобразиях, но не решается сделать отсюда необходимых логических выводов. Свои главные надежды он возлагает на... Колчака и на «честную интервенцию» со стороны союзников, главным образом со стороны Англии.

Отсюда проистекает двойная идеализация—Колчака и Англии. О Колчаке полковник Уорд не выражается иначе, как в тоне величайшей симпатии, почти преклонения. Для Уорда Колчак—это герой, это великий политический деятель, убежденный демократ и поклонник британской конституции. «Какое счастье—воскликает он в одном месте—было для России, что в час ее нужды она призвала такого человека!». А между тем все, что мы знаем о Колчаке, даже от его ближайших сторонников, говорит о том, что он совершенно не был политиком. Это был с головы до ног военный человек, для которого высочайшая государственная мудрость олицетворялась в уставе о полевом управлении войск ¹⁾. И несомненно прав был чешский генерал Гайда, который однажды в споре с Колчаком бросил:

— Да, господин адмирал, уметь управлять кораблем это еще не значит уметь управлять Россией.

¹⁾ См., напр., книгу колчаковского министра Г. Гинса—«Сибирь, союзники и Колчак», Харбин, 1921.

Под пером же Уорда Колчак выступает не то русским Бисмарком, не то сибирским Гладстоном.

Забавнее всего, однако, та курьезная идеализация, которой Уорд предается в отношении своего собственного отечества. Он свято верит, что государственные люди Англии полны истинно-сократовского бескорыстия, так как все британские «правительственные теории исключают возможность скрытой личной выгоды при ведении государственных дел». Теории! А как на практике?

Далее, он твердо убежден, что Англия вмешалась в российские дела из самых альтруистических побуждений. Он с детской самовлюбленностью подчеркивает, что сибирское население только в отношении Англии обнаруживало абсолютное доверие, подозревая все остальные державы, участвовавшие в интервенции, в разных корыстных побуждениях. Он многократно воспекает доблести своего Миддльсекского баталиона, который на своих плечах вынес чуть ли не всю тяжесть борьбы за Колчака во время различных омских переворотов; он утверждает даже, что именно ему, полковнику Уорду, на банкете в Иркутске в октябре 1918 г. удалось положить начало «возрождению русской души», приведенной в смятение большевистской революцией.

За этим почтенным занятием полковник Уорд совершенно упускает из виду реальную действительность. Так он сам же однажды сознается:

«У меня существует полное доверие к характеру адмирала, но пигмеи, которыми он окружен, то и дело вставляют палки в колесницу государства. Тут нет ни одного, которому бы я доверил управление мелочной лавкой, а не только государством, у них нет никакого представления о долге государственного